

Скифская дикая сила и незащищенность ребенка

Есть имена, которые не требуют эпитетов. Таковым является имя **Василия Макаровича Шукшина**, день рождения которого мы отмечаем 25 июля. Даже спустя время трудно охватить все, что было написано, сыграно, сделано, задумано за пятнадцать лет Шукшиным, а ведь до этого тоже была жизнь - он работал слесарем, грузчиком, матросом, сельским учителем, радистом. **Полтора десятилетия колесил по «жизненным университетам», пока наконец не пришел в кирзовых сапогах в литературное объединение при журнале «Октябрь» со своими рассказами...**

Рассказывает режиссер **Глеб ПАНФИЛОВ:**

- В Шукшине было удивительное сочетание скифской дикой силы с незащищенностью ребенка. Таким он мне и запомнился - властный, пронизывающий взгляд и худое слабое тело. Голова бунтаря - и тонкая щиколотка усталой ноги, которая болталась в неуклюжем ботинке. Он внимательно, как прилежный ученик, вслушивался в то, что нам тогда говорили, и казалось, не чувствовал, не понимал, какой силой обладает.

В разговорах, встречах, в личных беседах он был подвластен только собственной природе, собственной, нерассчитанной интуиции. На всю жизнь остались в моей памяти его тонкая в грубом ботинке нога, его бледный высокий лоб, пылающие глаза и отпущенная для роли Степана Разина борода.

Из воспоминаний **Сергея БОНДАРЧУКА:**

- Шукшин был легкоранимый человек. Чувствовалось, как много рубцов осталось на его сердце. Все обиды за человеческие несовершенства он брал на себя. Последний рассказ «Кляуза», опубликованный при жизни Шукшина, был непридуманным. Это самый страшный его рассказ. Поведал в нем о действительном случае, когда ему в большой одежде и тапочках пришлось уйти из больницы декабрьским вечером с диагнозом острой пневмонии. Женщина-

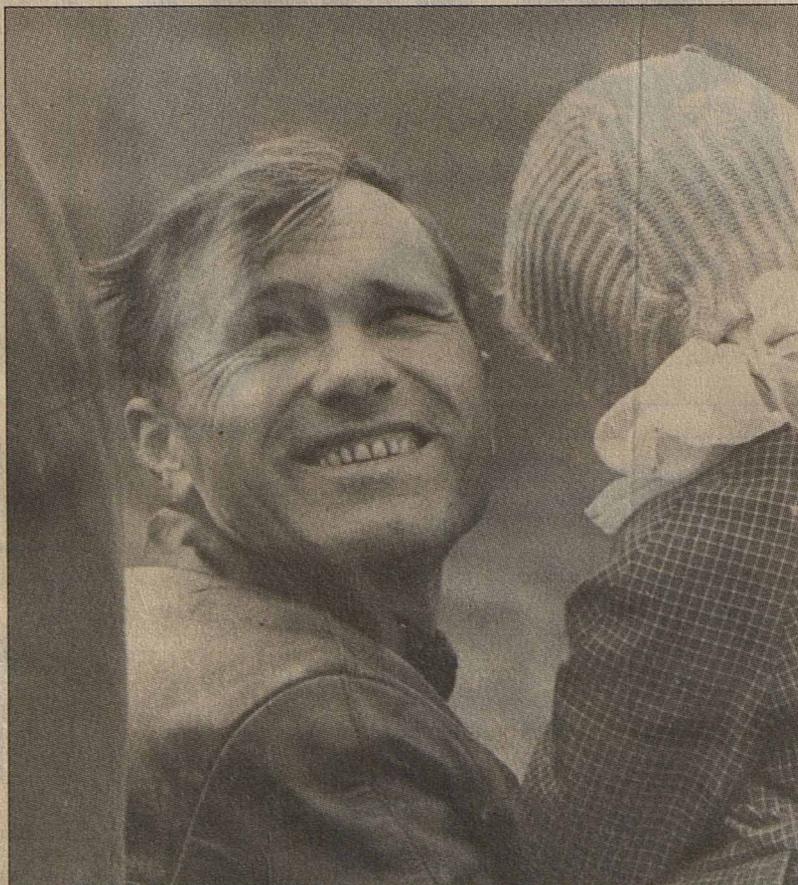
вахтер нагло оскорбляла его при детях и посторонних людях. Сначала она не хотела пускать к нему в больницу дочерей, отговариваясь обычным «не положено». Кто-то посоветовал Шукшину «дать» ей полтинник. Но он не мог бы никогда «дать». Не умел. Несколькими часами спустя та же женщина не пустила к нему писателей, приехавших в Москву специально для делового разговора. Оглетелое хамство вахтерши поразило его. Когда рассказ был опубликован, Шукшин получил письмо от врачей этой больницы, которые писали, что он, «оболгав» их персонал, тем самым опорочил всех работников медицины. Шукшин растерялся. Он не знал, что делать. И мы не знали, как ему помочь.

...И в неумной своей радости, когда ему сопутствовал успех, и в горе - во всем он не укладывался в привычную норму.

Из рассказов **Валерия ГИНЗБУРГА:**

- Он поразительно носил любой костюм, будь то френч белого офицера или спецодежда шофера, спортивный тренировочный костюм или костюм

начальника большой стройки. При этом за убедительностью внешнего облика проступала неповторимая личность самого Шукшина. Я приглядывался на съемках фильма «Деревья» к этому малообщительному актеру. Его поведение возбуждало любопытство. Каждую свободную минуту, когда не был занят в кадре, Шукшин отходил немного в сторону и, привалившись к перилам паромы или просто присев тут

же на землю, вынимал тетрадь и начинал что-то писать...

Через некоторое время я уже знал все опубликованное

Шукшиным в журналах. Написанный по мотивам его рассказов сценарий картины «Живет такой парень» не произвел на меня неожиданного впечатления. Мне захотелось высказать Василию Макаровичу свои соображения. Шукшин, хотя и застенчиво, но с какой-то нетерпеливой неприязнью попросил отложить этот разговор: «Сначала съездим на Чуйский тракт, в деревню, помотришь людей,

Алтая, влюбил меня в то, что было ему самому бесконечно дорого. И постепенно с меня слетали привычные представления, возникали новые образы. Потрясенный мощью и красотой Катюни, я предложил, чтобы река вошла в картину изобразительным лейтмотивом, как бы продолжая живую стремительность Чуйского тракта. Шукшин сразу же согласился. Вообще он всегда легко и даже с какой-то радостью трансформировал отдельные сцены, прислушиваясь к предложениям актера, художника, оператора или когда сталкивался с неожиданно возникавшими ситуациями, жизненными явлениями, глубоко возмущавшими и радовавшими его. Выразительная натура всегда возбуждала желание у Шукшина поправить, переписать ту или иную сцену или написать новую.

Шукшин совершенно по-детски радовался, увидев играющих детей, кошку с петухом, бранящихся русских женщин, дерущих собаку с поросенком. Через этот изобразительный живой ряд он с особенным удовольствием мог собрать пролог будущего фильма, бережно сохраняя все кадры, вплоть до чиркающих воробьев на голых ветках. Лирической настрой, всегда присутствовавший в прозе Шукшина, удалось передать в зрительском воплощении.

Работоспособность его была поразительная. Многим из нас необходимо нечто вроде кабинетного вакуума - особая обстановка, специальный настрой, тогда приходит желание работать. А в Шукшине поражала настолько идеальная неприхотливость, что он уже «читался» предмет природы как некий камень, который можно поднять, осмотреть со всех сторон, положить на место.

Подготовила
Елена КУРБАНОВА.

Фото А. КОВТУНА (ИТАР-ТАСС).

Катунь, а потом поговорим». Я всегда останусь благодарным Шукшину, что он открыл мне тогда неповторимую красоту